

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теологии и религиоведения

Нравственно-воспитательное значение молитвы
АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студента 4 курса 451 группы
направления 48.03.01 «Теология»
профиль «Православная теология»
философского факультета
Скуратович Николая Юрьевича

Научный руководитель
доцент кафедры теологии и религиоведения,
кандидат философских наук, доцент _____

М.В. Каткова

Заведующий кафедрой
профессор кафедры теологии и религиоведения,
доктор философских наук, доцент _____

В.П. Рожков

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В июне 2014 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил совершать во всех храмах Русской Православной церкви во время Божественной литургии особую молитву о мире и преодолении междоусобной брани на Украине. Специальное видеообращение Патриарха по этому поводу с призывом молиться о народе Украине было передано по телеканалу «Вести»¹. Это обращение не встретило практически никакой реакции со стороны светских средств массовой информации и общественности. С учетом того, что каждый шаг политических и духовных лидеров в наши дни находится под пристальным вниманием различных экспертов и комментаторов, такое невнимание светской общественности к обращению Патриарха и литургической практике молитвы об Украине (которая продолжается уже 4 с половиной года), может быть объяснено отсутствием в обществе представлений о всей полноте нравственных и социальных аспектов молитвы. Для получивших советское воспитание общественных и политических деятелей молитва – это личное дело каждого или сохранившийся до наших времен ритуал, который в современной культуре предстает как нечто архаичное.

Тем не менее, в наши дни можно услышать призывы лидеров различных конфессий к молитве по каждому важному общественному поводу (прежде всего – в случае различных природных и социальных бедствий). Часто повторение этих призывов, без «видимых» для поверхностного потребителя благ современной цивилизации и «результатов» молитв превратило данный феномен религиозной жизни в ритуальный жест, который направлен не столько на ожидание Божественного сверхъестественного вмешательства в ход земных дел, сколько на выражение этической позиции молящихся, их отношения к

¹ Патриарх Кирилл: в междоусобной брани не может быть победителей [Электронный ресурс] // Вести.Ру. 2014. 17 июня. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1696777> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

происходящим событиям. Призыв к молитве о находящихся под воздействием того или иного трагического события служит демонстрации внимания, которое уделяется попавшим в беду (а значит – связи молящихся не только с Богом, но и с обществом), солидарности (молящихся между собой и молящихся с оказавшимся в различных бедах и затруднительных ситуациях), искренности выражаемого сочувствия, выражению своего отношения к тому, что считается правильным в данной ситуации (установление мира, помощь пострадавшим, защита традиционных ценностей). Молитва подтверждается делами, соответствующими духу молитвы – милосердием к пострадавшим от военных действий и стихийных бедствий, сбором гуманитарной помощи и т.д. Таким образом, молитва имеет выраженное социальное и нравственное значение: призыв к молитве означает призыв быть более восприимчивыми, более отзывчивыми, более милосердными. Молитва предстает в насыщенном аксиологическом контексте, который, к сожалению, остается незамеченным для многих представителей светского и даже религиозного мировоззрений. Для последних молитва часто – это личное дело и обязанность, личное общение с Богом, выход из личных экзистенциальных проблем и инструмент восстановления душевного равновесия. В таких случаях у молитвы удаляется её социальное значение, и она превращается в изолированную самоценную духовную практику, часто сводящуюся к «вычитыванию молитвенного правила» и «совершению уставного богослужения», в котором нехватка качественной молитвы компенсируется количеством прочитанных и пропетых псалмов, стихир, тропарей. Для некоторых участие или совершение богослужений – это и есть «служение Господу».

Предлагаемое в учебниках по «Основам православной культуры» традиционное определение молитвы как «общения с Богом» и классическое разделение видов содержания молитв на просьбу, благодарение и славословие, в отрыве от общего контекста повседневных коммуникативных форм, а также других сфер духовной жизни современного человека, становления его персональной идентичности приводит к тому, что происходит воспроизводство

урезанного представления о молитве, лишённого его важных социально-культурных аспектов и контекстов. Выходом из этого тупика должно стать теологическое осмысление молитвы прежде всего с точки зрения её нравственного и воспитательного значения. Для этого необходимо обратиться к истокам христианских представлений о молитве – Священному Писанию, трудам раннехристианских писателей, к духовным потребностям, которые сегодня отмечаются в рассуждениях и размышлениях пастырей и мирян Православной Церкви, а также того инструментария выявления скрытого (и прежде всего нравственного значения) коммуникативных практик и «языковых миров», который был разработан в философии XX века.

Степень разработанности проблемы

Необходимость разработки христианского учения о молитве возникла на рубеже II Швеков, когда под влиянием распространения гностических ересей и духовных практик эллинистического мира в христианскую среду стали проникать различные воззрения на молитву, отрицающие или искажающие её значение. В это время появляются трактаты Тертуллиана и Оригена «О молитве», в которых разъясняется сущность и характер молитвы на примере толкования молитвы Господней «Отче наш», а также делаются различные наставления, касающиеся молитвы, напр. о молитвенном настроении, о коленопреклонении при молитве, о воздеянии рук, покрытии голов женщинами и т.д. Отцами Церкви, посвятившим отдельные сочинения теме молитве, были сщмч. Киприан Карфагенский и свт. Григорий Нисский. Феномен молитвы был в центре внимания в святоотеческой аскетической письменности, являясь важной частью духовного дела христианских подвижников. О молитве писали Евагрий Понтийский, прпп. Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, в Новое время – Паисий Святогорец, Оптинские старцы, подвижники благочестия XIX-XXвеков. В русском богословии значительный вклад в осмыслении духовного значения молитвы внесли святт. Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, прав. Иоанна Кронштадский,

архим. Софроний (Сахаров), свят. Иоанн, архиеп. Шанхайский и Сан-Францисский, митр. Антоний Сурожский.

В XX веке вклад в осмысление феномена молитвы с точки зрения психологии, философии, антропологии внесли У. Джеймс, Ф. Хайлер, М. Мосс, А. Нок, Г. Йонас, философы Э. Левинас, Ж. Деррида, теологи К. Ранер, П. Тиллих, К. Барт, Х.У. фон Балтазар, Р. Шеффлер, Н. Уирзба, М. Коши.

Фундаментальным трудом по описанию молитвы согласно преданию Православной Восточной церкви является одноименная работа католического кардинала Томаша Шпидлика, в которой дан комплексный взгляд на различные аспекты молитвы – догматический, литургический, мистический, назидательный (воспитательный). В современной российской православной теологии необходимо указать работы проф. К.Е. Скурата, митр. Иллариона Алфеева. Особенностью данных работ является то, что они направлены на систематизацию святоотеческого предания, касающегося молитвы, и прежде всего практических аспектов молитвенного делания.

Молитва как элемент религиозного воспитания рассматривалась у прот. В. Зеньковского, Л.Н. Урбанович, Т.А. Становской. Основные российские православные информационно-богословские интернет-порталы «Православие.RU», «Православие и мир», «Православие и современность», «Фома» на своих страницах периодически размещают публикация (в том числе подборки мнений современных пастырей) о значении молитвы. Среди авторов, активно участвующих в осмыслении феномена молитвы, можно отметить митрополита Саратовского и Вольского Лонгина, прот. Андрея Ткачева, архим. Гавриила (Бунге), прот. Максима Козлова, игумена Нектария (Морозов).

Цель и задачи исследования

Целью исследования является выявление нравственных и воспитательных аспектов молитвы, содержащихся в размышлениях о молитве раннехристианских писателей и в современном теологическом и пастырском дискурсе. В соответствии с поставленной целью в работе ставятся следующие задачи:

1. провести анализ возникновения христианского учения о молитве, в том числе рефлексии о нравственном и воспитательном значении молитвы;

2. выделить современные представления о молитве в церковном (пастырском) и теологическом дискурсе с точки зрения раскрытия нравственно-воспитательного значения молитвы;

3. выявить возможности, которые представляет для исследования нравственного значения молитвы использование концепций «языковых миров», «коммуникативных практик» и «речевых актов»;

4. предложить оригинальный подход к рассказу о молитве в рамках преподавания православной культуры, способный выявить нравственное значение молитвы и способствовать развитию ценностного мышления.

Объект исследования

Объектом исследования являются христианское учение о молитве с точки зрения её нравственно-воспитательного и аскетического значения.

Предмет исследования

Предметом исследования выступает возникновение и развитие различных форм представлений о значении молитвы как инструменте нравственной жизни и воспитания верующего, эксплицитно и имплицитно содержащихся в раннехристианских и современных теологических текстах и пастырских наставлениях.

Методологическая основа исследования

При написании работы и изучении темы были использованы общенаучные методы: диалектический, метод формальной логики – описание, сравнение, классификация, анализ и сопоставление, – структурно-функциональный, системный, сравнительный.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования определяется тем, что в ней дана попытка систематического исследования раннехристианских и современных представлений о молитве с точки зрения её нравственно-воспитательного значения. Новизна исследования подчеркивается тем, что традиционно в

православной теологии и аскетике молитва предстает прежде всего в контексте личных молитвенных практик и требований, без учета её более широкого социально-культурного значения. Проведенный анализ раннехристианских памятников письменности (трудов Тертуллиана, Оригена, Киприана Карфагенского, Григория Нисского) позволил выявить тенденции в развитии христианских представлений о молитве. Кроме того, в работе дан критический анализ не представленных на русском языке работы западных теологов, посвященных молитве как феномену нравственной и социально-культурной жизни человека. Проведен критический анализ с точки зрения православной традиции предложенной Р. Шеффлером «грамматики молитвы», в рамках которой рассматривается становление идентичности человека в границах языкового мира молитвы. В разделе, посвященном нравственному воспитанию личности через научение молитвенным языковым практикам, представлен оригинальный вариант урока о молитве в рамках модуля «Основы православной культуры».

Положения, выносимые на защиту

При подготовке работы были сформулированы выводы, которые выносятся на защиту, а именно:

1. В первые века христианства происходит эволюция представлений о молитве, критериях её подлинности и нравственном значении. В Новом Завете и первых христианских поколениях главным критерием подлинной молитвы являлась её неотступность. В качестве реакции на приходящие из античного мира молитвенные практики (традиция громких и частых возгласий без устойчивых формулировок) у писателей конца II-III веков развивается представление о необходимости молиться только по данному Христом образцу (молитва «Отче наш») и в молчании, что приводило к проблеме сохранения внимания в молитве, а также проявляется тенденция рассматривать прошения молитвы «Отче наш» в контексте личной духовной жизни. В IV веке происходит разделения общего дискурса о молитве на два подхода. Первый подход, впервые четко выраженный у Евагрия Понтийского, отражает

аскетический подход к молитве как инструменту и результату отречения от мира вплоть до отсутствия помыслов о земном. В этих условиях становится важным сам факт пребывания в молитве, в связи с чем появляется практика непрерывного повторения коротких молитв. Второй подход, представленный, например, у свт. Григория Нисского, связан с раскрытием нравственно-воспитательного значения текста молитв как инструмента побуждения к молитве и профилактики социальной несправедливости и греха.

2. В современной церковной практике и теологическом дискурсе выделяются три подхода к осмыслению молитвы. Первый подход, который можно назвать традиционным, основан на аскетических наставлениях о внимании, смирении и покаянии в молитве, избегания рассеянности в молитве и эмоциональной разгоряченности. Второй подход, представленный у западных православных пастырей и писателей, а также среди современных мирских публицистов, раскрывает социальное значение молитвы, её связь с активным совершением добра, соучастием и сопереживанием с теми, кто нуждается в помощи. Третий подход, представленный в англоязычной теологии и опирающийся на достижения западной философии XX века, рассматривает молитву с точки зрения открытости человека Другому и опыта подлинного существования. С точки зрения этого подхода, в частности, утверждается, что проявление в молитве искренности, благодарности, покаяния и духовного родства с Отцом Небесным требует подлинного опыта искренности, благодарности, сожаления и духовного родства в межчеловеческих взаимоотношениях и отношении к миру в целом и повседневному труду.

3. Важным инструментом выявления и актуализации нравственного и воспитательного значения молитвы является обращение к концепциям «языковых миров», «речевых актов» и «коммуникативных практик», использованных Р. Шеффлером в изучении грамматики молитвы. Применение этого инструмента позволяет выявить такие нравственно-воспитательные аспекты молитвы, как выявление подлинного «я» молящегося, установление связи его жизни с историей Божественных деяний в мире, обучение

нравственной практике выдвижения интересов Другого на первое место, ценностного мышления, видению комплексной связи личной и общественной нравственности.

4. В целях развития теологического и педагогического потенциала рассмотрения молитвы с точки зрения коммуникативных практик и ценностного мышления предлагается оригинальный подход к изложению прошений молитвы «Отче наш» в рамках урока о молитве в программе модуля «Основы православной культуры». В предложенном подходе молитва рассматривается в тесной связи с повседневными коммуникативными практиками человека, особенно теми, которые выражают признание и следование нравственным ценностям, а также в контексте обучения различию между безусловной нравственной ценностью и общепринятыми социальными практиками, которые могут вступать в противоречие с духовными ценностями.

Теоретическая и методологическая значимость исследования

Теоретическая и методологическая значимость исследования обусловлена тем, что в ней представлено теологическое осмысление феномена молитвы в аспекте её нравственного и воспитательного значения. Проведенный сравнительный анализ раннехристианских памятников позволил провести реконструкцию предпосылок появления некоторых утверждений христианских писателей первых веков, касающихся молитвы. Привлечение текстов современных западных теологов и их критическое осмысление с точки зрения православной теологии позволяет расширить концептуальный инструментарий отечественного теологического знания, обогатить спектр богословских изысканий. Предложенный оригинальный вариант проведения урока о православной молитве в рамках программы модуля «Основы православной культуры» может быть использован в целом или в отдельных частях при проведении учебных занятий предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Апробация результатов исследования осуществлялась на выступлениях в ежегодной всероссийской научно-практической конференции по

гуманитарным и социальным наукам «Человек в цифровом пространстве: онтология участия и культура взаимодействия». По результатам данной конференции планируется печать статьи в сборнике по теме «Молитва в современном теологическом дискурсе».

Структура и объем работы

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав (4 параграфа), заключения и списка использованных источников (56 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Нравственные, воспитательные и аскетические аспекты молитвы: традиции и современность» состоит из двух параграфов и содержит в себе анализ возникновения теологического дискурса о молитве в ранней христианской Церкви и его современному состоянию.

В первом параграфе «Проблема «правильной молитвы» в ранней Церкви как фактор раскрытия воспитательного значения молитвы» раскрываются богословские и исторические условия формирования раннехристианского учения о молитве.

В христианской Церкви молитва занимает место главного средства богообщения. Молитва является сердцевинной церковной жизни: саму Церковь можно назвать «молящимся сообществом». В Евангелии молитва как таковая не ставилась под вопрос, однако её в связь с общим контекстом жизни молящегося играла важную роль. Не всякая молитва имеет для молящегося спасительное значение. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21-23). В данном отрывке (как и во всем Новом Завете, а также в раннехристианской литературе) отсутствует представление о том, что молитва может быть истинной (подлинной, «настоящей» молитвой) или ложной. Молитва всегда является молитвой, но она может быть не услышана (Мф. 7:21-23), для молитвы могут быть препятствия (1 Петр. 3:7), молитва может быть демонстративной и лицемерной (Мф. 6:5; 23:14). Когда апостолы просили Христа научить их молиться, ответом было не наставление в аскетике или педагогике молитвы, а молитва «Отче наш» (Лк. 11:1-2). Апостол Павел часто призывал адресатов своих посланий молиться, в том числе непрестанно (1 Фес. 5:17), всякою молитвой во всякое время (Еф. 6:18), за совершающих апостольское служение (1 Фес. 5:35; Евр. 13:18).

В Новом Завете, равно как и в трудах ранних христианских писателей (до конца II века) в целом отсутствует проблематизация молитвы с точки зрения её

правильности и неправильности. Верующие без лишних объяснений знали, что такое молитва, и научение молитвы состояло преимущественно в передаче знания о том, о чем следовало молиться и, главное, кому. В условиях первых гонений как от иудеев, так и от римских властей, напряженных эсхатологических ожидания первые христиане, как показывает нам образ из Откр. 6:10, молились прежде всего о скорейшем пришествии Христа и установлении Его Царства.

Главным условием успешности молитвы была её неотступность, в соответствии с евангельской притчей о судье и вдове (Лк. 18: 1-8), а также другими евангельскими изречениями, призывавшими к настойчивости в отношениях с Отцом Небесным (Мф. 7: 7-11). В эпоху апологетов обоснование невиновности христиан в предъявленных им преступлениях опиралось на тот факт, что христиане молились за кесаря и империю, что говорит о том, что для язычников и христиан молитва представлялась само собой разумеющимся феноменом, не требующим дополнительных рассуждений.

Распространение христианства в Римской империи, обращение язычников – представителей традиционной греко-римской религии, безусловно, вело к тому, что часть из новообращенных зрелого возраста, некоторые из которых много лет проводили в духовных поисках и были знакомы с различными религиями и культами, существовавшими в ту эпоху, не могли не привнести в религиозную жизнь полученные в язычестве представления и обычаи религиозной жизни. Как указывал Ф. Хайлер, религиозная жизнь античных греков характеризовалась большим вниманием и интересом к молитве. «Универсальное чувство зависимости», которое воодушевляло древнего грека, наиболее ярко выражалось в том, что при любой возможности он обращался к богам с молитвой (как правило, произносимой вслух) и жертвоприношением. Молитва богам открывала все народные собрания, празднества, судебные процессы, соглашения, договоры и войны, выступления ораторов, обучение и даже открытие винных бочек. Живой и личный характер молитвы приводил к свободе её форм от каких-либо формальных требований и

способствовал тому, что молитва служила непосредственным выражением настроений, желаний и осознания ценного опыта, испытанного тем, кто молится. В рамках античной философии, особенно в стоицизме, возникает новое представление о молитве, которое расценивало молитву о преходящих земных благах как недостойную: просимым в молитве благом могли выступать только духовные блага. В крайних случаях представления о судьбе (фатуме, предопределении) приводило к мнению о том, что богам молиться вовсе не надо, так как они не могут сделать ничего, что не предусмотрено судьбой.

Начиная с рубежа II и III веков христианские писатели, раскрывают учение о молитве, которое содержало в себе также и элементы противостояния языческим практикам, проникавшим в церковную молитву. Рассмотренные ниже тексты Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена, Киприана Карфагенского, Григория Нисского, посвященные молитве, содержали в себе следующие общие элементы:

1) Эксплицитно или имплицитно проводилось различие между правильным образом молитвы и неправильным. Молитва – это уже не нечто, не требующее разъяснений, правильной молитве можно и нужно учить, существует правильный и неправильный образ молитвы, и неправильная молитва не является молитвой вообще и может даже оскорбить Бога.

2) Образец молитвы – это данная Христом молитва «Отче наш». Часто повторяющийся акцент на том, что Сам Господь учит нас молитве, вероятно, был направлен на освобождение христианских общин от греческих традиций молиться «в свободной форме». Средством против молитвенного произвола служило возвышение значения молитвы Господней, раскрытие того, что в ней содержатся все необходимые для верующего просьбы.

3) С учетом того, что в образованном языческом обществе просительные молитвы о земных благах воспринимались негативно в качестве выражения простонародной религии, а мудрецы покорялись судьбе и ничего не просили, христианское богословие не могло представить христианскую молитву в качестве аналога просительной языческой молитвы. В то же время бесстрастное

молитвенное общение с высшим божеством, направленное на достижение внутреннего совершенства, требовало переосмысления с точки зрения догматов религии спасения, каковой является христианство. Правильная молитва приобретает значение инструмента, который подготавливает душу к соединению с Создателем и Спасителем, с тенденцией превращения молитвы в главную обязанность христианина, желающего спасения. Содержание молитвы, не направленной на земные блага, становится менее значимым по сравнению с молитвенным деланием как таковым.

4) Личная молитва должна быть тайной (в соответствии с Мф. 6:6), не произносимой вслух, особенно громким голосом. Вероятно, это часто встречающееся у ранних писателей напоминание было реакцией на языческие обычаи громко взывать к богам при каждом удобном случае, причем сам факт гласного обращения к богам (особенно сопровождающийся жертвоприношением) был достаточен для признания молитвы состоявшейся. Когда молитва становится молчаливой, становясь в один ряд с другими элементами потока сознания человека, возникает проблема рассеянности при молитве и необходимости очищения сознания для того, чтобы всё внимание было уделено молитве.

Среди первых христианских авторов, писавших о молитве, следует назвать Климента Александрийского («Строматы», 199-203 гг.), Тертуллиана («О молитве», до 210 г.) и Оригена («О молитве», не ранее 234 г.).

Сочинение Тертуллиана строится в первую очередь как разъяснение молитвы «Отче наш». Карфагенский писатель начинает с того, что Христос преподавал нам «новую форму молитвы», и затем вновь напоминает: «только Бог один мог научить, как Он желает, чтобы Ему молились». Тертуллиан указывает, что можно выделить три уровня в молитве Господней – буквальное, символическое («дух») и воспитательное, однако последний уровень в его сочинении так и не был раскрыт. Показательными моментами в труде Тертуллиана являются различные замечания к поведению верующих, которые отражают тот факт, что верующие из язычников невольно переносили

сложившиеся в ходе языческих церемоний привычки на христианскую молитву. В частности, Тертуллиан указывает на то, что недопустимо сидеть после молитвы, как это делают язычники, даже если она утомила, поскольку «нечестиво сидеть перед взором того, кого больше всего уважаешь и чтешь; и насколько же нечестиво делать это в присутствии Бога Живого». Возможно, в адрес бывших язычников, для которых постоянные жертвоприношения были повседневной данностью, являются не вполне корректные слова (игнорирующие значение Евхаристии) о том, что молитва является той духовной жертвой, которая упразднила прежние жертвоприношения. «Бог Дух есть» (1 Кор. 3:17), а христиане – истинные жрецы, которые в духе приносят молитву Богу как подобающую жертву. Завершается сочинение восхвалением силы молитвы, которая «искупает грехи, отстраняет искушения, прекращает гонения, утешает малодушных, услаждает великодушных, путеводит странствующих...». Однако Тертуллиан не раскрывает конкретное значение и происхождение этого благоприятного влияния молитвы – потому ли, что все эти блага даруются по молитве верующего, или молитва сама по себе формирует позитивный эффект для души человека.

В «Строматах» Климента Александрийского, в силу её общего несистематического характера, отсутствует четкое изложение учения о молитве. В то же время в данном трактате впервые отчетливо фиксируется та мысль, что молитва может быть ненастоящей не только в силу отсутствия правильного – богоданного – текста молитвы. «Недостойные представления о Боге не позволяют сохранить почтения к нему в гимнах, рассуждениях, текстах и мнениях, и приводят к унижительным и непотребным идеям и воззрениям. Поэтому восхваления во многих случаях ничем ни отличается от хулы, по причине незнания истины... Только истинно святой и благочестивый человек является подлинным гностиком в полном соответствии с церковным каноном и что только ему дарована молитва, вопрошающая и мыслящая в полном соответствии с волей Бога». Иначе говоря, молитвы язычников, еретиков и гностиков не являются молитвами, не имеют никакой силы и только гневят

Бога. Молитва впервые предстает у Климента в качестве внутреннего делания человека: «Молитва, если позволительно так выразится, – это разговор с Богом. Шепотом и не шевеля губами, мы говорим молча, восклицая внутренне. И Бог слышит всякую без исключения внутреннюю речь... Молитва, таким образом, произносится и беззвучно, только лишь силою внутренней концентрации нашей духовной природы для выражения мысли, неуклонно направленной к Богу... [Гностик] вовлечен в молитву всеми возможными способами: прогуливаясь, во время разговора, в молчании, во время чтения или размышляя». Климент впервые вводит в христианское богословие и аскетику представление о бессловесной молитве, молитве как расположении души, общей направленности (ориентации) сознания на Бога, результатом концентрации духовных сил человека. В то же время молитва является даром, которого удостоиваются только просвещенные истинным знанием (гностики). В то же время у Климента нет твердой позиции по этому поводу. В частности, он пишет, что «в устах злодеев молитва особенно опасна, и не только для других, но прежде всего для них самих. И если они просят и получают то, что называется счастливым случаем, то в конце концов он оборачивается против них самих, поскольку они не знают, как использовать то, что им досталось». Иначе говоря, молитва злодея не перестает быть молитвой, нравственное состояние человека влияет не на подлинность молитвы, а на её последствия.

Наибольший вклад среди авторов III века в развитие христианского учения о молитве внес Ориген в своем трактате «О молитве», который был написан по просьбе христиан, смущенных пришедшими из кинизма представлениями о ненужности молитвы перед Промыслом Божиим. Ориген отвечает: «молиться необходимо и, притом, молиться так, как следует молиться и молиться о том, о чем следует молиться». Прежде всего, Ориген развивает мысль Климента о том, что молитва является даром Божиим. Опираясь на Рим. 8:26 («ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»), Ориген делает вывод, что молитва в собственном смысле слова возможна только тогда, когда ей предшествует

молитва Духа, к которой присоединяется человек со своей молитвой. Кроме того, вслед за Тертуллианом Ориген приравнивает молитву к жертвоприношению: молитва является высшим даром, который может принести разумное творение своему Создателю. Молитва не отвергает промысл Божий, но является выражением веры в него. Перед молитвой из души должно быть изгнано всякое возможное недовольство промыслом Божиим; иными словами, молящийся должен быть готов принять волю Божию, какой бы она ни была. Она безрассудна и нечестива, если является попыткой влияния на Бога и Его промысл; благочестива и богоугодна, является преданием Ему своей воли и всецелым упованием на Него. В связи с этим молиться следует не о суетных земных вещах, а о благах «благороднейших и небесных», а именно, быть наследниками Небесного Царства.

Взывать к Богу словами «Отче наш» означает брать на себя нравственную обязательность – соответствовать Небесному Отцу во всей своей жизни. «Все наши дела, слова и мысли должны быть непрерывным «Отче наш». Что касается прошения о пришествии Царства, то если у Тертуллиана сохранялось первоначальное эсхатологическое понимание этих слов как ожидания второго пришествия Христова – «совершения нашего упования» (Евр. 4: 10-11) и ответа на молитвы мучеников о восстановлении справедливости (Откр. 6:10), то у Оригена данный стих понимался исключительно нравственно-аскетически – «царство Божие внутри праведного», а пожелание пришествия Царства означает неутомимую борьбу против греха.

Ориген первым поднимает проблему рассеянности в молитве, которой следует избегать, и вводит понятие «правого (правильного) образа молитвы», который заключается в духовной сосредоточенности и представлении себя стоящим перед лицом Божиим. «Душа тогда так настраивается, что становится угодной Богу», а сама эта настройка приносит большую пользу самой душе, поскольку удерживает от грехов и направляет к добродетели. Что касается добродетели, то последовательное соединение (друг за другом) исполнения повседневных обязанностей, молитвы, затем опять обязанностей является тем,

что ап. Павел называл непрестанной молитвой (1 Фес. 5:17), поскольку добродетель с исполнением заповедей равнозначна молитве. Здесь мы видим предпосылки нашего развития преимущественно в Западной церкви принципа *laborare est orare* («трудиться значит молиться»), в то время как в Восточной Церкви имела место тенденция к буквальному пониманию заповеди о непрерывной молитве и развитию соответствующих молитвенных практик.

Священномученик Киприан Карфагенский в «Книге о молитве Господней» в целом следует традициям в толковании молитвы «Отче наш», но привносит в рассуждения о молитве тему отречения от мира, которой не было ни у Тертуллиана, ни у Оригена (вероятно, это связано с ситуацией очередных гонений на христианство, что требовало от верующих большей решимости отказаться от земных благ и самой жизни). Писатель более жестко указывает на обязанность христианина молиться так, как заповедовал Христос, а отступление от этого образца называет «преступлением». Св. Киприан подчеркивает нравственное значение молитвенного обращения «Отче наш»: «Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас». У данного писателя получает развитие тема внимания в молитве, в рамках которой собранность и бдительность в молитве является условием получения просимого от Бога, а рассеянность расценивается как оскорбление величия Божия.

В течение IV века в христианской Церкви происходили взаимосвязанные процессы, оказавшие влияние на осмысление феномена молитвы в богословии. Во-первых, постепенное становление христианства в качестве государственной религии Римской империи привело к тому, что в число христиан вошли люди, мало интересовавшиеся религиозной жизнью как в язычестве, так и в христианстве. В связи с этим возникала необходимость побуждения этих поверхностных верующих к молитве, а также разъяснения значения фраз основной молитвы – «Отче наш». Во-вторых, христианизация развитой, привыкшей к комфортной жизни и рационализации быта цивилизации привела

к выделению в рамках христианского общества отдельной группы аскетов (монашества), для которых мотив отречения от мира приобрел главенствующее значение в их понимании христианской жизни. Для подвижников «чистая молитва», или «умная молитва» находилась в тесной связи с отречением от мира: очищение ума от земных пристрастий являлось условием нерассеянной молитвы, а молитва, в свою очередь, служила защитой от бесовских прилогов. В этих условиях содержание молитвы было менее важным, чем молитвенная сосредоточенность, и требовалась простая молитва, которая не рассеивала бы собранный ум множеством образов. В православной аскетике место главной личной молитвы вместо «Отче наш» постепенно заняла Иисусова молитва, а также практика повторения иных, очень кратких молитв.

В IV веке основным сочинением, посвященным молитве, были беседы о молитве «Отче наш» свт. Григория Нисского, которые начинаются с того, что приводятся примеры дельцов, торгашей, мастеров, земледельцев, уповающих на собственные силы, а не помощь Божию, что порождает стремление к наживе, конфликты и споры о собственности. Причиной этого является то, что молитва связана с постоянным памятованием о Боге, а забвение Бога дает темным силам власть над душой человека. Молитва рассматривается в широком контексте человеческой жизни, состоящей из полученных от Бога благ, воздать за которые человек может только посредством молитвы. Благому по сущности Богу не естественно быть Отцом по отношению к лукавым поступкам, поэтому взывание «Отче наш» со стороны грешника является оскорблением и злословием, поскольку слово «отец» означает причину того, что от него произошло, и в устах порочного Бог предстает источником порочности. Призыв называть Бога Отцом – это призыв к возвышенному образу жизни, к тому, чтобы добродетельной жизнью «усваивать» (т.е. «делать себя своим») Богу. Толкование Григорием Нисским молитвы «Отче наш» отражает нравственно-воспитательную задачу, стоявшую перед святителем – возвысить ум слушателей к живому представлению о Боге как Царе вселенной. Святитель допускает, что Писание может «под видом молитвы» давать человеку учение о

человеческой природе и её благам, выражающихся в прошениях молитвы Господней. Например, под словами «да святится Имя Твое» верующие призываются молиться о следующем: «при содействии Твоей помощи да соделаюсь... справедливым, богочестивым, буду воздерживаться от всякого лукавого дела, говорить истину, делать правду...».

При толковании прошения «хлеб наш насущный» свт. Григорий обращается к проблемам социальной справедливости: хлеб должен зарабатывать честно, а не за счет чужих слез или присвоения чужого имущества. В тексте свт. Григория характерно отсутствие аскетических мотивов (отречение от мира, молитвенное расположение и внимательность, избегание рассеянности, отношение к молитве как к благодатному дару, техника молитвы), само изложение молитвы наполнено яркими образами, служащими назидательным целям. В то же время в православной письменности вплоть до конца XX века преобладание получил аскетический подход к молитве, в рамках которого даже мирянам предлагалось следовать рекомендациям к духовной жизни, изложенным в аскетических трудах. В настоящее время, когда в результате секуляризации общества возникла потребность не столько в научении «чистой молитве», сколько в побуждении к молитве как таковой, возникают предпосылки для возвращения к той форме разговора о молитве, которая была предложена свт. Григорием Нисским.

Во втором параграфе «Представления о молитве в современном пастырском и теологическом дискурсе» рассматриваются публикации и проповеди, посвященные молитвы, подготовленные пастырями Православной церкви, а также западными теологами. Анализ публикаций, посвященных молитве, на основных православных русскоязычных интернет-порталах – «Православие.RU», «Православие и мир», «Православие и современность», «Фома» – показывает, что в современной пастырском богословии и практике представлены разнообразные подходы к пониманию молитвы – и аскетически-ориентированные, и нравственно-ориентированные, а также раскрывающие её

экзистенциальное значение. В первом случае можно видеть, что в современных текстах сохраняется аскетическая направленность в понимании молитвы.

Организованный на портале «Православие.RU» сбор мнений современных пастырей на темы «Критерии ложной и правильной молитвы», «Как преодолеть рассеянность на молитве?» показал, что акцент в понимании молитвы делается на практических наставлениях и аскетическом значении молитвы (молитвенное правило, побуждение себя к молитве, сочетание домашней молитвы с церковной, воспитание в себе покаяния и смирения, бесстрастие и отсутствие образов, внимание к словам молитвы, отсутствие разжжения крови, молитва как труд и жертва). Нравственное значение молитвы раскрывается преимущественно в рамках евангельских слов о необходимости примирения и прощения грехов своим ближним. Современные российские пастыри продолжают святоотеческое понимание молитвы, которое было в значительной степени систематизировано и раскрыто в трудах свт. Игнатия (Брянчанинова), противостоящего атмосфере мистической увлеченности начала XIX века. Однако постоянно встречающиеся предостережения против возношения и мечтательности предназначены преимущественно для лиц, склонных к повышенной эмоциональности и религиозной экзальтации и мало интересны той публике, к которой в свое время обращался свт. Григорий Нисский – людям, поверхностно относящимся к молитве и религиозной жизни вообще, погруженным в мирские заботы, для которых побуждение к молитве и раскрытие её жизненного и социального значения является более важным, чем проблема правильных или ложных духовных переживаний. Более близкими к потребностям современного горожанина, живущего в интенсивном темпе жизни, представляются советы прот. Максима Козлова, который призывает не бояться «сказать что-то не так» во время молитвы, избегать формализма и обрядоверия, которые являются оборотной стороной присущего русской духовности стремлению к освящению быта. Тем не менее, аудитория, к которой обращается о. Максим – это по-прежнему воцерковленные верующие, ищущие

усовершенствования своей религиозной жизни и не нуждающиеся в размышлениях о молитве в более широком нравственном контексте.

Если обратиться к текстам, в которых отчетливо раскрывается нравственное значение молитвы в рамках отношения человека к миру, то можно увидеть, что авторы этих текстов являются представителями европейских православных церквей (в том числе зарубежных епархий РПЦ) или публицистами – мирянами (в том случае, когда их тексты не являются интервью с пастырями). Например, по словам румынского иеросхимонаха Иулиана (Лазара), непрестанно молиться означает делать добро, словно рядом присутствует Бог, во всех трудностях взывать «Боже, помоги мне!», «Боже, не оставь меня!», оберегать свои мысли от дурного и думать только хорошее.

Отчетливо нравственное значение молитвенного делания было представлено у митр. Антония Сурожского. Он призывал к единству молитвенных прошений и повседневного поведения человека. «Все выражения нашей молитвы должны стать жизненными правилами. Если мы сказали Богу, что просим Его помощи против искушений, мы должны всем устремлением души, всеми своими силами избегать всякого случая попасть в искушение». Митр. Антоний предлагал взять какую-нибудь молитву и сделать её программой жизни, и тогда сама жизнь будет придавать остроту этой молитве. С другой стороны, молитва должна вплетаться в ткань человеческой жизни с её ситуациями, которые превосходят человеческие силы. Когда утро начинается с молитвы, в которой человек просит Бога благословить его день, тогда каждое событие и каждая встреча представляли бы перед человеком как открытая Богом возможность и призыв отозваться на эти события, а каждый начинающийся день принимался бы человеком с любовью и лаской.

О. Рожнёва обращает внимание на то, что молитва – это духовное делание, которое должно принести плоды духа: любовь, кротость, терпение, мир, и эти нравственные плоды являются критерием того, правильно ли молится человек. О. Дубовская рассказывает об опыте объединения многих тысяч людей на основе общей молитвы о том или ином нуждающемся, при

этом появление «сотен равнодушных комментариев порой укрепляет страждущего в мысли, что он не один со своей бедой, и помогает побороть отчаяние». Иногда отклик на просьбу о молитве становится первым осознанным шагом к Богу. Автор отмечает, что если человек просматривает ленты социальных сетей в движении, в транспорте, на работе, то не всегда есть возможность для внимательной молитвы. «Даже сказав всего несколько слов, человек может вложить в них всю свою душу – и Господь ответит». Таким образом, для современных мирян, в том числе невоцерковленных, на первое место выходит ходатайственная молитва за других, которая приобретает дополнительную ценность как форма выражения поддержки и сочувствия тем, кто нуждается в помощи. Такие важные для аскетических наставлений о молитве моменты, как внимательность, очищение ума от помыслов и образов, для молящихся мирян уступают своё значение мотивам искреннего желания того, чтобы Бог помог другому человеку, либо чтобы этот другой человек почувствовал молитвенную поддержку и нашел силы пройти те или иные испытания.

Инокания Васса (Ларина) связывает молитву с открытостью для Божьего мира и силы. Результат молитвы – это изменение человека, который перестает быть закрытым от Бога. Необходимо отметить, что тема связи молитвы и открытости миру является характерной для англоязычной теологии и философии религии. Например, канадский теолог и философ Н. Уирзба пишет о том, что необходимо постоянно молиться, чтобы не искажать и отношения, связывающие нас с Богом, друг с другом и творением, будь то из гордыни, незнания, пренебрежения или личной инерции. Следуя западно-христианской традиции отождествления молитвы и труда (*laborare est orare*), Н. Уирзба призывает расширить сферу применения молитвы, включив в нее все аспекты практической жизни, включая трудовую жизнь, чтобы в конце концов вся наша жизнь могла быть принесена Богу. Очевидно, что устные формы молитвы, будь то литургические или неформальные, общинные или частные играют важную роль в религиозной жизни. Но они не исчерпывают его. Мы не можем молиться

честно или правдиво, если наша жизнь отражает некачественную работу, разрушенные отношения, насильственные намерения или деградировавшую среду обитания. Выполненная превосходно, с вниманием и заботой работа, по мнению канадского ученого, более ясно, чем наши слова, демонстрирует истину или ложь, искренность или уклончивость молитвенных устремлений, поскольку показывает отношение человека к сотворенному Богом миру.

Обращаясь к Богу словами «Отче наш», т.е. подтверждая своё согласие на «духовное родство» с Богом, мы опираемся на наш повседневный социальный опыт, который может не содержать предпосылок для того, чтобы мы всей глубиной нашего существа поняли, что такое духовное родство, хвала, благодарение, уважение, сожаление и т.д. Как можно призывать к этим чувствам в молитве, если они неизвестны нам в нашей формализованной и неискренней социальной жизни? Поэтому полноценная молитва предполагает полноценный опыт внимательного, заботливого и ответственного отношения к миру. В реальном человеческом обществе нет абстрактной «автономии», есть только различие между ответственной и безответственной зависимостью». Значимый, наполненный смыслом труд в широком смысле этого слова (начиная от «производства» завтрака до созидания дружбы и общественных институтов) делает возможным осмысленное и ответственное взаимодействие с окружающим миром, а значит, подготавливает нас к осмысленной и ответственной молитве. «Терпение, забота и мастерство становятся главными достоинствами, которые приведут нас в глубину творения, чтобы мы могли быть встречены Божественным любящим зовом».

Схожие с рассуждениями Н. Уирзба представления о связи молящегося с другими людьми развивает Дж. Роббинс. Опираясь на философские концепции Э. Левинаса, Роббинс приходит к выводу о том, что молитва – это деятельность, посредством которой «Я», понятое в терминах его доступности для Другого, становится ответственным за мир, и которая тесным образом связана с вопросами социальной справедливости. Э. Муни рассматривает молитву в контексте сопереживания и, соответственно, пребывания молитвы в

пространстве человеческих экзистенциальных переживаний и глубокой связи с другими людьми. Дж. Менш раскрывает нравственное значение молитвы, которая как самоотдача сознания молящегося Богу («уже не я живу, но живет во мне Христос», Гал. 2:20), является формой самоумаления, «кенозиса» человеческой личности, через которую воплощаются евангельские истины. В этом отношении молящийся следует образцу Иисуса Христа, Который умалил Себя в Своем воплощении ради человечества – то есть «других личностей». Таким образом, молитва является формой «малого», «персонального» кенозиса, который задает содержание молитвы – не личные нужды и потребности, а спасение других людей.

М. Коши рассматривал молитву как то, что в своем бытии является «шатким». Дискутируя с точками зрения, согласно которым Другой – это тот, кто ставит человека «под сомнение», Коши анализировал те фрагменты Ветхого Завета, в которых молящийся в определенном смысле сам ставил под сомнение Другого (хотя и со «страхом и трепетом»), когда молитва начинает содержать в себе вопросы. Во-первых, это попытка Авраама отговорить Бога от уничтожения Содома и Гоморры (Быт. 18:23-32), точнее, от уничтожения праведников вместе с нечестивцами: «не может быть, чтобы Ты поступил так» (Быт. 18:25). Как пишет Коши, «Авраам прекрасно понимает, что, несмотря на страх и трепет, он пересекает черту, нарушает границы, что он нарушает чужой закон и что существует страшный риск того, что он будет привлечен к ответственности». Согласно Быт. 19:29, Лот и его семья были выведены из среды истребления, потому что Бог «вспомнил Авраама». Коши приходит к выводу, что Бог призывает к молитве, потому что через свою молитву молящийся каким-то образом «дает Богу возможность быть Святым». На наш взгляд, размышления М. Коши были бы более плодотворными, если бы парадокс призыва человеком Бога к Святости как ответ на Божественный призыв к святости человека был рассмотрен в контексте сострадания и заботы о других и творении в целом. Кроме того, вслед за часто цитируемым Левинасом Коши остается в ветхозаветном контексте, игнорируя событие воплощения

Сына Божьего Иисуса Христа как предельный ответ на молитвы о явлении Божественной святости, любви и милосердия в мире. В то же время, на наш взгляд, несмотря на всю их экстравагантность, размышления М. Коши и подобных ему авторов имеют большую пользу для актуализации понимания значения молитвы во взаимоотношениях между людьми и Богом как отношениях с Небесным Отцом, а также для более глубокого понимания события Божественного кенозиса в его измерениях доступности и недоступности для человеческого подражания.

Важным уроком рассуждений западных теологов о значении молитвы является внимание к вопросам взаимоотношения человека с миром. Если в соответствии с традиционным аскетическим представлением о молитве, последняя выступает в роли тонко настраиваемого инструмента, от точности которого зависит событие богообщения, в соответствии с социально-ориентированным представлением молитва выступает инструментом углубления межличностных связей и нравственной жизни, то для западных авторов характерна тенденция к тому, чтобы видеть в молитве инструмент проверки подлинности человеческого бытия.

Вторая глава «Нравственное воспитание личности через обучение языку молитвы» состоит из двух параграфов и посвящена обсуждению темы влияния языкового мира, предлагаемого словами молитвы, на нравственный контекст жизни человека.

В первом параграфе ««Грамматика молитвы»: нравственное измерение» предлагается критическое осмысление концепции Р. Шеффлера о грамматике и языковом мире молитвы, сформулированной в его книге «Краткая грамматика молитвы». Молитва относится к категории речевых актов, которые не обозначают существующее положение вещей, но помогают возникнуть новому. Призывание имени Божьего никому ничего не сообщает, ни от кого ничего не просит и не требует, но состоит в том, что говорящий вступает во взаимное общение с Тем, Кого он называет по имени, и понимает сам себя и мир своего

опыта в этом контексте. В соотношении между говорящим и Тем, к Кому он обращается, говорящий обретает свою идентичность.

Божественное Имя, через которое идентифицирует себя человек, уникально, поскольку это такое Имя, которое существует для того, чтобы его призывали даже тогда, когда небо и земля прейдут, то есть когда разрушится совокупный контекст человеческого опыта. Это означает своего рода гарантию того, что молящиеся сохранят свою идентичность и непрерывность своего бытия через взаимоотношения с Богом тогда, когда исчезнут все остальные механизмы обеспечения единства личности и восприятия пространства и времени. Поэтому не случайно, что за призыванием имени Божьего в молитве «Отче наш» сразу следует прошение о том, чтобы это Имя свяtilось, поскольку оно является формой присутствия Бога в мире как Призываемого этим миром. Прошение об освящении Божьего имени тем самым выражает надежду на прочность и действительность связи человека с Богом вне зависимости от переменчивости времен и миров.

Если обратиться к православной святоотеческой традиции, то, безусловно, необходимо отметить, что в рамках данной традиции перспектива человеческого бытия в единстве с Богом – это не просто гарантия сохранения своего «я», но обожение всего человеческого существа. Отличительные черты православного понимания молитвы заключаются в том, что молитва – это «общение-обожение», в ходе которой Бог воплощается в личности верующего, поэтому молитва – это личностное измерение события Боговоплощения. Преп. Макарий Египетский писал: «Посему, кто старается уверовать и прийти ко Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять ему Божия Духа, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь – Духа Своего Посему, если кто здесь не искал и не приял жизни души, т.е. божественного света Духа, то он во время исшествия из тела отлучится уже на шуюю страну тьмы...». Как указывает К.А. Махлак, в богословии преп. Макария Египетского не душа познает Бога, а Бог познает душу. Человеческое «я» создается в самом отношении души к Богу как «жизни

души». Общение не должно обрываться, поскольку душа не является стабильной единицей бытия, она может «умереть», потеряв контакт с Богом. Это приводит к постоянно повторяющемуся в аскетической и богословской литературе мотиву духовной практики «непрестанной молитвы». В контексте, указанном К.А. Махлаковым и близком к рассуждениям Шеффлера, молитва удерживает «я» в контакте с Жизнью, что обуславливает целостность души.

Бог предстает в молитве как Тот, о Чьих делах человек может рассказывать, получая посредством этого рассказа объяснения и критерии для оценки истории своей жизни. Шеффлер не оговаривается специально, что эта оценка является нравственной, но очевидно, что Бог выступает критерием для человеческого поведения прежде всего в контексте святости, к которой Бог призывает человека. В то же время следует учитывать тот факт, что Шеффлер говорит о тех уровнях языкового мира молитвы, которые располагаются в своем роде «до» или «под» нравственными ценностями, формируя то языковое поле, в котором нравственные понятия приобретают свой духовный смысл.

Формирование идентичности человека как его рассказа о своей истории в молитве означает, что Бог являет Себя Тем, Кому человек может поведать свои дела и переживания так, что они при этом приобретают общий смысл, становятся связанной историей жизни под Божественным водительством. Вступая в своеобразный диалог со словами митр. Антония Сурожского о том, что человек в молитве должен выбрать из множества своих социальных ролей свою подлинную личность, которая предстает перед Господом, Шеффлер высказывает мнение, что «приведение себя в единство» перед Богом – это процесс, который самому человек неподвластен, это происходит не до, а во время рассказа о себе перед лицом Другого. При этом разговор с Богом является разговором с Тем, Кто свободен в том, чтобы скрывать Себя от человека, быть независимым от его стремлений и желаний. «Бог есть Тот, в Кого можно верить как в Спасителя человека, даже если ощущается Его скрытость, и история Его отношений с человеком кажется забытой».

Разделяя виды молитвы на благодарение, прошение и плач, Шеффлер обращает внимание на тот факт, что принятие воли Божией в просительной молитве («да будет воля Твоя»), которая постоянно находится в опасности превращения сначала в благочестивую покорность («на всё воля Божия»), а затем и в своего исчезновения, занимает важное место в молитвенном повествовании. Признавая господство воли Божией и Божественных решений о своей судьбе, молящийся так преподносит историю своей жизни Богу, чтобы Он счел её частью Своей Божественной истории, общей для Него и человека. Таким образом, всё, что может произойти после молитвы, априори приобретает свой смысл, выражая единство человеческой истории и Божественных дел, выражая благоволение Божие к человеку. Поэтому молитва теряет свое значение, если становится разовой попыткой оказать на Бога воздействие, заполучить однократную поддержку. В этом отношении просительная молитва всегда переплетена с благодарственной: сама возможность обращаться к Богу свои просьбы основано на предшествующем благоволении Бога к человечеству, призыву к общению с Ним, открытости для человеческих молитв.

Свобода человека в обращении молитвенных просьб к Богу при злоупотреблении этой свободой может стать инструментом морализаторства. Призыв к молитве может быть просто маскировкой для поучения общины, которая должна признать «высокомерную проницательность того, кто составил это прошение». Молитвенный возглас «Дай нам открытое сердце и руку, протянутую для подаяния бедным» означает требования от общины признать, что её сердце еще не вполне открыты, а рука еще недостаточно протянута для подаяния, а ей нужно хотеть, чтобы эта практика изменилась, и это требование ничего не потеряло бы, если свелось к прямому поучению «Дорогие братья и сестры, боритесь с нуждой вокруг и вдали от себя», но в таком случае исчезло бы принуждение общины признать свою покорность и послушание предстоятелю.

Основываясь на рассуждениях Шеффлера, можно попытаться осмыслить первые прошения молитвы «Отче наш» с точки зрения «грамматики молитвы».

Слова молитвы, которую дал верующим Сын Божий Иисус Христос, имеют свое особое значение в том, что они являются данными Богом. Однако это означает не то, что «неправильные формулировки молитвы» могут оскорбить Божественное величие, а то, что слова молитвы «Отче наш» предлагают такой «языковой мир», в рамках которого человек занимает то место, роль, отношение к Богу, к которым приглашает его Сам Бог. Первые прошения молитвы («да святится Имя Твое, да придет Царство Твое, да будет воля Твоя...») представляют большой интерес, поскольку с точки зрения грамматики молитвы они содержат в себе несколько уровней их нравственного понимания.

Во-первых, в этих прошениях человек прежде всего думает о том, что можно назвать «интересами Другого», к Которому обращает свои слова. Обучаясь молитве на словах прошений «Отче наш», человек приобретает (или углубляет) опыт личного кенозиса, децентрации личности, учится расстановке нравственных приоритетов, среди которых частные и тем более эгоистические интересы отступают на второй план.

Во-вторых, в этих прошениях учащийся молитве приобретает (или углубляет) опыт ценностного мышления, фиксируя и провозглашая универсальную ценность определенных духовно-нравственных явлений.

В-третьих, выражая поддержку определенным ценностям, молящийся тем самым поддерживает (в православной традиции – является соработником) Бога в Его деяниях по отношению к миру.

В-четвертых, молящийся или обучающийся молитве призван видеть в каждом прошении благодарение. Имя Божие, раскрытое человечеству, Царство Небесное, обещанное людям после завершения скитания человечества по страницам земной истории, воля Божия, в рамках которой земное приобретает единый смысл с небесным, изменчивое – с неизменным, материальное – с духовным. Поэтому в данном случае прошения, наполненные благодарением, являются выражением готовности к принятию того, что Бог предлагает человеку, в качестве неоспоримого дара.

В-пятых (что особо остро проявилось в исторических условиях секуляризации христианской цивилизации), молящийся в словах прошений выражает свой плач и свою вину. Высказывая просьбу об освящении имени Божьего, наступлении Его Царства, исполнении Его воли, современный христианин осознает то обстоятельство, что Бог скрывает Свое Лицо, а Его явленность в обществе и истории отступает под давлением светских идеологий и ценностей. Однако богооставленность современного общества с точки зрения молитвы – это не «объективный исторический процесс», а выражение неслышанности прошений, отказ Бога исполнять те просьбы, которые были даны Им в качестве в Евангелии. Таким образом, в молитве «Отче наш» молящийся поднимается на более высокий уровень нравственного сознания, в котором личное (личных грех и личная вина) тесно переплетено с историческим, а историческое становится фактом внутреннего мира и нравственного контекста жизни молящегося.

Таким образом, внимание к языку молитвы позволяет раскрыть те пласты её нравственного значения, которые могут остаться скрытыми при нерerefлексированном использовании молитвенных формулировок. Основными нравственными значениями языкового мира молитвы являются децентрация личности, приоритет интересов Другого, утверждение нравственных ценностей, осмысленность истории человеческой жизни, воспринятой в тесной нравственной связи с историей всего общества.

Во втором параграфе «Раскрытие нравственного значения молитвы в современной практике обучения православной культуре» представлена попытка изложения урока, посвященного православной молитве, в рамках предметной области «Основы православной культуры». Особенностью предлагаемого варианта урока является то, что он опирается на повседневные коммуникативные практики, что позволяет придать молитве её жизненный характер и несводимость к общецерковным ритуалам, а также то, что целью урока является воспитание ценностного мышления.

Цель урока – сформировать представление о молитве как особой форме обращения человеческой личности к Богу, святым и ангелам; сформировать понимание нравственного значения молитвы, а также духовно-нравственного значения прошений молитвы «Отче наш».

1) Основные вербальные формы обращения между людьми

«Ребята, здравствуйте. Сегодня мы поговорим о том, что такое молитва. Но прежде всего мне хотелось бы поговорить о том, какие формы обращения друг к другу мы используем в нашем общении. Например, когда один говорит другому: «пожалуйста, дай мне карандаш» – что это будет? Правильно, просьба. А если кто-то скажет: «Ты должен отдать мне карандаш», это что? Это будет приказ. А если грубо сказать: «А ну отдай карандаш, быстро!» – это будет требование. А если еще грубее: «Не отдашь карандаш – я тебя ударю!» Это уже угроза.

Теперь допустим, что кто-то говорит: «было бы очень хорошо, если бы ты дал вот той девочку или тому мальчику карандаш». Что в этой фразе есть? – Во-первых, это будет пожелание, чтобы было вот так. А во-вторых, здесь присутствует ходатайство за другого человека: Мне этот карандаш не нужен, а вот тому мальчику нужен, поэтому я ходатайствую за него перед тем, у кого карандаш есть. А в-третьих, здесь говорится о том, что дать карандаш, то есть помочь другому, является ценным и важным: хорошо и правильно, когда люди готовы делиться со своими друзьями и близкими тем, что у них есть, когда друзья и близкие нуждаются в этом. Допустим, кто-то говорит: «Завтра я тебе принесу карандаш». К чему можно эту фразу отнести? К обещанию. Но так получилось, что обещавший забыл положить карандаш в ранец, и говорит: «Прости, я забыл принести карандаш». А это предложение к чему относится? К сожалению, извинению, признанию своей неправоты. А если мы извиняемся в том, что мы поступили неправильно, значит, мы мысленно подтверждаем то, что нужно было поступить правильно. Но вот, вы попросили карандаш, и вам его дали. Что вы скажете? – «Спасибо». А к каким фразам относятся «Спасибо», «я вам благодарен»? – к благодарности, или благодарению. А если

кто-то со стороны скажет: вот, какой молодец Петя, или Маша, что не жадничают и делятся карандашами, что это будет? Правильно, это будет похвала, а самая великая похвала называется прославление.

Допустим, кто-то рядом с вами, например, родители, всегда вам помогают и дают то, что вам нужно. Вот вы дома вспомнили, как родители вас любят, подошли к папе или маме, обняли его или её и сказали: «ты такой замечательный». Это тоже похвала, правильно? А вот теперь представьте себе, что кто-то вдруг попросил у родителей, то что не нужно или даже вредно, например, мухомор или какую-нибудь еду, которая давно прокисла и от которой можно отравиться. Если родители не дали того, что вам не нужно и вредно, они также заботятся о вас? Значит также заслуживают благодарности и похвалы? То есть мы должны благодарить и тогда, когда родители нам что-то не дают, потому что родители больше знают о жизни и о том, что нам нужно, а что нет. Теперь перейдем к молитве. Какие формы обращения используют верующие, когда обращаются к Богу, святым, ангелам, кто подскажет? Это: просьба; ходатайство; благодарение; прославление; покаяние; обет.

Итак, что такое молитва? Это такое обращение верующего к Богу, святым и ангелам, когда человек обращается к ним с просьбой, ходатайством, благодарением и прославлением. Мы видим, что молитва во многом опирается на то, как мы общаемся друг с другом, особенно с родителями. Это значит, что молиться может любой, кто захочет.

2) *Невербальные формы обращения и молитвы.* Всегда ли мы общаемся только словами? Есть ли случаи, когда мы что-то передаем другому человеку другим образом? Например, родители попросили вынести мусор, мы это сделали – это также будет нашим ответом без слов на их слова.

В православной культуре есть такая установка, что добрые дела, когда человек оказывает дела милосердия, также является своеобразной молитвой. Например, человек дает милостыню за своих усопших предков. Как называется просьба о других? Правильно, ходатайство. Или человек очень нуждается в помощи Божией в какой-то жизненной ситуации, что это будет? Да, это будет

частью молитвы – просьба. Например, человек болел, молился о выздоровлении, исцелился и теперь свободное время он, к примеру, помогает престарелой женщине в соседней квартире или решает купить школе нужное оборудование. Такими поступками он благодарит Бога за то, что он выздоровел.

3) *Нравственные условия молитвы. Переход к рассмотрению молитвы «Отче наш».* Православная культура, основанная на Новом Завете, указывает условия, при которых человек должен приступать к молитве. Прежде чем обращаться к Богу, человек должен сначала примириться с тем, кто его обидел либо кого он сам обидел. Почему это важно – мириться перед общением с Богом? (короткая дискуссия). Посмотрим на слово «общение». Оно происходит от слова «общее». Чтобы общаться с Богом, у верующего должно быть что-то общее с Ним, а именно желание блага, милость и снисхождение.

А кроме того, как в православной культуре обращаются к Богу со словами «Отче наш», то есть «наш Отец». А если для верующего Бог – это Отец, то остальные люди для нас братья.

4) *Рассмотрение молитвы «Отче наш»* Давайте рассмотрим кратко молитву «Отче наш». То, что верующие обращаются к Богу как Отцу, мы уже сказали. «Да святится Имя Твое, да придет Царство Твое». Это пожелание и признание того, о чем говорится, важным и ценным. Верующий подчеркивает, что в его жизни для него самое главное, самая высшая ценность – это то, чтобы во всем мире люди чтили Бога и исполняли Его заповеди, потому что они направлены на то, чтобы между людьми царил согласие и мир. Но задумаемся: христиане просят это в молитве уже две тысячи лет, а в мире продолжается вражда, зависть, ненависть, обман, стремление обидеть другого. Почему это происходит? Потому что каждый человек свободен в своих поступках и в том, каким ему быть – добрым или злым, щедрым или жадным, завистливым или великодушным. Если бы на земле всё было по воле Божией, то тогда о чем бы мы молились? Но, как говорит православная культура, однажды Бог вмешается

в дела людей и остановит тех, кто по своей воле творит зло, а тех, кто совершает дурные поступки по незнанию или слабости, тех исправит.

«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Эта фраза сразу вызывает вопрос: что такое «небо» и что такое «земля». В православной культуре есть несколько точек зрения. Земля – это мир материальный, в котором живем мы, небо – это мир духовный, где обитают ангелы и где во всем исполняется воля Божия. Это первая точка зрения. Вторая точка зрения, которая была в первые века христианства: небо – это сам Господь Иисус Христос, который в Своей жизни полностью исполнил волю Бога Отца и был Ему послушен вплоть до Своих страданий и казни. А земля – это вся остальная Вселенная, которая призвана подражать Христу. Третья точка зрения: небо – это нравственный порядок, который Христос принес в мир. Этот порядок основан на любви и взаимной поддержке. Поэтому когда верующий говорит: «да будет воля Твоя», он, как писали в древней Церкви, своей молитвой поддерживает Иисуса Христа в том, чтобы все земное стало благим, т.е. добрым, небесным. А как можно поддержать Того, Кто Сам сотворил всё? Верующий как бы говорит: «Я ничего не могу дать Богу, поскольку сам получил от Него всё, но я могу поддержать, признать ценным то, что Он хочет от людей». Одна и та же строчка может быть истолкована по-разному, и все эти толкования по-своему являются правильными, поэтому в данном случае важно не вступать в споры, у кого точка зрения более правильная, а наоборот, соединять вместе все взгляды и получать трехмерную картинку.

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день». «Дай нам». Это одновременно просьба, потому что мы просим, и ходатайство, потому что говорится о всех верующих – «нам», а не только «мне». Здесь есть непростое слово – «насущный». Оно является переводом греческого слова, которое буквально оно означает «то, что требуется для сущности». А что такое сущность человека? Это соединение тела и души, а душа – это разум, воля, чувства и наша личность, которая во всем этом проявляется. Когда всё это есть, тогда существует человек. Поэтому слова про хлеб наш насущный можно

понимать так: верующие просят Создателя, чтобы Он дал им всё нужное, чтобы оставаться настоящими людьми (в зависимости от наличия времени и степени развитости учеников здесь может проведена дискуссия о том, что нужно для того, чтобы оставаться настоящим человеком).

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Мы уже об этом говорили. Прежде чем приступить к молитве, верующий должен примириться со своими друзьями и близкими, простить им то, чем они нас обидели. А если человек не успевает примириться, или другой не желает мира, то верующему достаточно в своей душе не держать зла на обидчика, в душе простить то, что тот сделал, и тогда он сможет просить Бога простить собственные грехи.

«И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого». В мире творится много зла, которое люди делают друг другу, природе, культурным памятникам, самим себе. Причем часто большое зло начинается с маленького, которое даже и злом не назовешь. Здесь можно привести такой пример. Вот возьмем дом, где хулиганы разбили одно окно. А если разбить где-то окно, то через несколько дней все стекла будут разбиты. Ведь обычный человек, даже не хулиган, идет и думает – вот, стекло разбито, значит, так и должно быть, значит, мне тоже нужно взять камень и разбить стекло. Он не понял, что если злое дело сделал один, второй, третий, то от этого злое дело не становится хорошим. Вот такие поступки, которые вроде и злые, но их делают многие, называются искушением. А верующий не хочет, чтобы его жизнь подчинялась этим злым нормам, которые насаждают злые люди и при этом говорят, что так и должно быть. Поэтому верующие молятся о том, чтобы Бог помог им различить, действительно то, что делают всё – это правильно или ценно, или просто люди по незнанию привыкли так делать».

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются его основные выводы и положения.

Список использованных источников содержит 56 источников, в том числе 7 на английском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Амвросий Оптинский (Гренков), прп. Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского / преподобный Амвросий Оптинский (Гренков); сост. Н.М. Терехова. – М.: Дарь, 2007. – 352 с.
- 2 Антоний, митр. Сурожский. Молитва. 5 упражнений для начинающих [Электронный ресурс] / митрополит Антоний (Блум), Сурожский // Фома. 2015. 13 ноября. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://foma.ru/mitropolit-surozhskiy-antoni-y-molitva.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 3 Антоний Сурожский, митр. Мы повторяем молитвы и думаем, что Бог их слушает [Электронный ресурс] / митрополит Антоний Сурожский // Православие и мир. 2018. 8 октября. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/myi-povtoryaem-molitvyi-i-dumaem-cto-bog-ih-slushaet/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 4 Беневич, Г.И. О некоторых особенностях учения Оригена о промысле и молитве / Г.И. Беневич // EINA: Проблемы философии и теологии. – 2013. – Т. 2. – № 1-2 (3-4). – С. 362-271.
- 5 Бикерман, Э. Дж. Евреи в эпоху эллинизма / Элиас Дж. Бикерман. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, Gesharim, 2000. – 384 с.
- 6 Богданова, М. Почему православные так долго молятся? [Электронный ресурс] / М. Богданова // Православие и мир. 2016. 14 апреля. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-pravoslavnyie-tak-dolgo-molyatsya/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 7 Борисова, М. Молитва в большом городе [Электронный ресурс] / М. Борисова // Фома. 2012. 13 февраля. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://foma.ru/molitva-v-bolshom-gorode.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

- 8 Бородин, Ф., прот. Молитва из сухого сердца Богу еще дороже [Электронный ресурс] / протоирей Ф. Бородин // Православие и мир. 2016. 22 июня. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/molitva-iz-suhogo-serdtsa-bogu-eshhe-dorozhe/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 9 Вайль, С. Тяжесть и благодать / С. Вайль. – М.: Русский путь, 2008. – 266 с.
- 10 Васса (Ларина), инокиня. А слышит ли Бог наши молитвы? [Электронный ресурс] / инокиня Васса (Ларина) // Православие и мир. 2016. 30 июня. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/deystvitelno-li-molitva-chto-to-menyaet/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 11 Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.; СПб.: Центр гуманитарных исследований; Университетская книга, 2016. – 656 с.
- 12 Гавриил (Бунге), иером. Скудельные сосуды. Практика личной молитвы по учению святых отцов / иеромонах Гавриил (Бунге). – Рига: Международный Благотворительный Фонд им. Александра Меня, 1999. – 216 с.
- 13 Григорий Нисский, свт. Творения. В 8 т. Т. 1. / святитель Григорий Нисский. – М.: Типография В. Готы, 1861. – 470 с.
- 14 Дубовская, О. Молитва – и в соцсетях молитва? [Электронный ресурс] / О. Дубовская // Православие и современность. 2018. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/molitva-i-v-socsetyakh-molitva> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 15 Духанин, В. Как научиться правильной молитве: советы святителя Игнатия (Брянчанинова) [Электронный ресурс] / В. Духанин // Православие.RU. 2009. 29 октября. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <https://pravoslavie.ru/32462.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

- 16 Евагрий Понтийский. О помыслах / авва Евагрий Понтийский. – М.: Сибирская Благовонница, 2012. – 206 с.
- 17 Евагрий Понтийский. Творения / авва Евагрий Понтийский. – М.: Мартис, 1994. – 363 с.
- 18 Иона (Черепанов), еп. Почему мы так долго молимся [Электронный ресурс] / епископ Иона (Черепанов) // Православие и мир. 2017. 9 января. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-my-tak-dolgo-molimsya1/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 19 Иулиан (Лазар), иеросхим. Благодарю тебя, Боже, что позволяешь мне говорить с тобою! [Электронный ресурс] / иеросхимонах Иулиан (Лазар) // Православие.RU. 2011. 1 июля. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/46836.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 20 Как преодолеть рассеянность на молитве? Советы пастырей [Электронный ресурс] // Православие.RU. 2016. 13 июля. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/95282.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 21 Камышанов, К., свящ. Молитвенная «скороговорка», или Как не обокрасть себя [Электронный ресурс] / священник К. Камышанов // Православие и мир. 2016. 30 марта. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.pravmir.ru/molitvennaya-skorogovorka-ili-kak-ne-obokrast-sebya/> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 22 Киприан Карфагенский, свщмч. Творения. В 2 кн. Кн. 2. / священномученик Киприан Карфагенский. – Киев: Киевская духовная академия, 1879. – 368 с.
- 23 Климент Александрийский. Строматы. В 3 т. Т. 3 (Книги 6-7) / пер. и ред. Е.В. Афонасина. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. – 368 с.
- 24 Козлов, М., прот. К молитве нужно относиться творчески [Электронный ресурс] / протоирей М. Козлов // Православие.RU. 2010. 12 марта.

- [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <https://pravoslavie.ru/38161.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 25 Критерии ложной и правильной молитвы. Разъясняют пастыри Русской Церкви [Электронный ресурс] // Православие.RU. 2016. 16 сентября. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <https://pravoslavie.ru/97087.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 26 Кураев, А.В. Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. 4-5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / А.В. Кураев. – М.: Просвещение, 2010. – 95 с.
- 27 Лонгин (Корчагин), митр. Саратовский и Вольский. Как молиться, чтобы Господь услышал? [Электронный ресурс] / митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин) // Православие и современность. 2017. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/kak-molitsya-chtoby-gospod-uslyshal> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 28 Макарий Египетский, прп. Духовные беседы / преподобный Макарий Египетский. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. – 514 с.
- 29 Махлак, К.А. История античной философии. Введение в христианскую мысль / К.А. Махлак. – СПб.: Издательство института богословия и философии, 2009. – 310 с.
- 30 Молитвы русский поэтов. XX-XXI. Антология / авт. проект, сост. и биогр. статьи В.И. Калугина. – М.: Вече, 2013. – 1040 с.
- 31 Нектарий (Морозов), игум. Как живем, так и молимся, как молимся, так и живем [Электронный ресурс] / игумен Нектарий (Морозов) // Православие и современность. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/kak-zhivem-tak-i-molimsya-kak-molimsya-tak-i-zhivem> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

- 32 Нектарий (Морозов), игум. Молитва в жизни и для жизни [Электронный ресурс] / игумен Нектарий (Морозов) // Православие.RU. 2018. 11 мая. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/112768.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 33 Нектарий (Морозов), игум. Сродниться с Богом [Электронный ресурс] / игумен Нектарий (Морозов) // Православие и современность. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Articles/srodnitsya-s-bogom> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 34 Николаиди, А., прот. Беседы о молитве. Часть 3. Как правильно молиться, какая молитва негодна Богу [Электронный ресурс] / протоиерей А. Николаиди // Православие.RU. 2016. 21 июля. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/95530.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 35 Нок, А.Н. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / А.Н. Нок. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. – 352 с.
- 36 Ориген. О молитве. Увещание к мученичеству / пер. Н. Корсунского. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1897. – 236 с.
- 37 Паисий Святогорец, прп. Слова: Том 6. О молитве / преподобный Паисий Святогорец. – М.: Никея, 2017. – 288 с.
- 38 Пеликан, Я. Христианская традиция. История развития вероучения. Возникновение католической традиции [100-600]. В 2 т. Т. 1. / Я. Пеликан. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. – 375 с.
- 39 Рожнёва, О. Молитва мирян [Электронный ресурс] / О. Рожнёва // Православие.RU. 2012. 22 ноября. [Электронный ресурс]: интернет-

- журнал. –URL: <http://www.pravoslavie.ru/57597.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 40 Софиан (Богиу), архим. Молитва, произнесенная без внимания, это ноль [Электронный ресурс] / архимандрит Софиан (Богиу) // Православие.RU. 2013. 22 января. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/58927.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 41 Софиан (Богиу), архим. Об умной молитве, йоге, богатстве и браке [Электронный ресурс] / архимандрит Софиан (Богиу) // Православие.RU. 2012. 19 апреля. [Электронный ресурс]: интернет-журнал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/53000.html> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 42 Становская, Т.Н. Методические особенности изучения молитвы на уроках Закона Божия в православной школе: опыт дореволюционной России / Т.Н. Становская // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2015. – Вып. 1 (36). – С. 46-55.
- 43 Тертуллиан. Избранные сочинения: Пер. с лат. / общ. ред. и сост. А.А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. – 448 с.
- 44 Урбанович, Л.Н. Научение детей молитве в концепции религиозного воспитания М.М. Манасеиной / Л.Н. Урбанович // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2014. – Вып. 1 (32). – С. 81-94.
- 45 Хайлер, Ф. Молитва. Исследование по истории и психологии религии. Глава III. Молитва в религии греческой цивилизации [Электронный ресурс] / Ф. Хайлер // Философское общество FZRW [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://fzrw.org/lib/heiler/Heiler3.pdf> (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 46 Холодов, Е. Аскетика Евагрия Понтийского и Оригена [Электронный ресурс] / Е. Холодов // Азбука веры. [Электронный ресурс]: православная

энциклопедия. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evagrij_Pontijskij/asketika-evagrija-pontijskogo-i-origena/ (дата обращения 27.12.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

- 47 Шефлер, Р. Краткая грамматика молитвы / Р. Шефлер. – М.: Издательство ББИ, 2013. – 152 с.
- 48 Шпидлик, Т. Молитва согласно преданию Восточной Церкви / о. Т. Шпидлик. – М.: Дарь; СПб.: Издательство Олега Абышко, 2011. – 576 с.
- 49 Ювенал. Сатиры / Ювенал. – СПб.: Алетейя, 1994. – 224 с.
- 50 A Sociology of Prayer / Ed. by G. Giordan, L. Woodhead. – London: Routledge, 2015. – 240 p.
- 51 Cauchi, M. The Infinite Supplicant: On a Limit and a Prayer / M. Cauchi // The Phenomenology of Prayer. Ed. by B.E. Benson, N. Wirzba. – New York: Fordham University Press, 2005. – P. 217-231.
- 52 Mensch, J.R. Prayer as Kenosis / J.R. Mensch // The Phenomenology of Prayer. Ed. by B.E. Benson, N. Wirzba. – New York: Fordham University Press, 2005. – P. 63-74.
- 53 Mooney, E.F. Becoming What We Pray: Passion's Gentler Resolutions / Edward F. Mooney // The Phenomenology of Prayer. Ed. by B.E. Benson, N. Wirzba. – New York: Fordham University Press, 2005. – P. 50-62.
- 54 Robbins J. Who Prays? Levinas on Irremissible Responsibility / J. Robbins // The Phenomenology of Prayer. Ed. by B.E. Benson, N. Wirzba. – New York: Fordham University Press, 2005. – P. 32-49.
- 55 Simler, J. Catechism of Mental Prayer / Joseph Simler. – Charlotte, North Carolina: TAN Books, 2009. – 82 p.
- 56 Wirzba, N. Attention and Responsibility: The Work of Prayer / N. Wirzba // The Phenomenology of Prayer. Ed. by B.E. Benson, N. Wirzba. – New York: Fordham University Press, 2005. – P. 88-102.